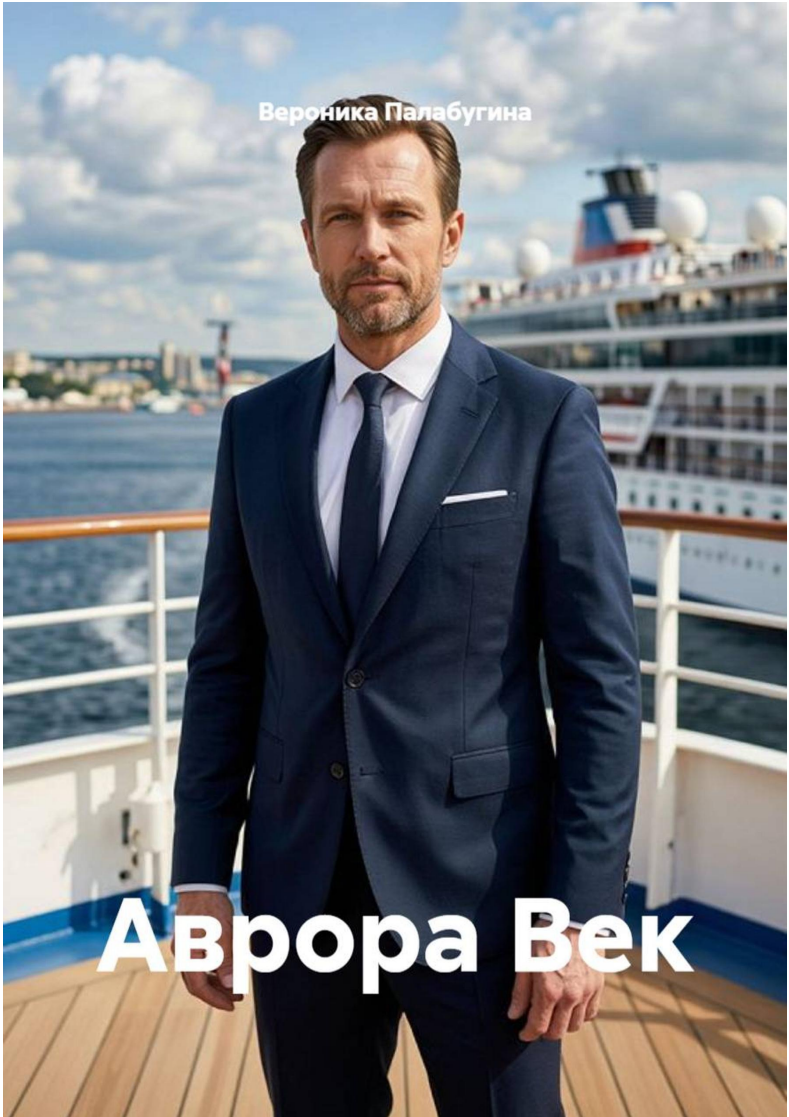
Вероника Палабугина

Аврора Век

Вероника Палабугина
Аврора Век

https://litres.ru/74756238
SelfPub; 2026

Аннотация

Круиз должен был стать лекарством от пустоты. Вместо этого он стал ловушкой.

25летний Александр, уверенный и собранный, привык доверять логике и фактам. Но на борту лайнера «Аврора Век» логика даёт сбой: предметы меняют положение, надписи появляются там, где их не было, а пассажиры будто связаны невидимой нитью. В каждом порту — новая улика: фрагмент карты в катакомбах Генуи, предупреждение на старой открытке в Марселе, записка, адресованная лично ему, в Афинах.

Чем ближе Стамбул — конечная точка маршрута, — тем яснее: ктото или чтото ведёт Сашу по заранее проложенному пути. И если он не разгадает, что скрывает «Аврора Век», он рискует стать частью тайны, которая старше самого моря.

Вероника Палабугина
Аврора Век

Введение

Александр привык, что мир ведёт себя предсказуемо. Если бросить мяч — он упадёт. Если купить билет на круиз — ты просто проведёшь две недели, глядя на море и забывая о делах. В двадцать пять лет он считал, что чудес не бывает, а всё странное можно объяснить усталостью, шумом или игрой света.

Высокий, спортивного телосложения, с выгоревшими на солнце светлыми волосами и пронзительно-голубыми глазами, он выглядел человеком, который не теряется ни в толпе, ни в шторме. Но сейчас, стоя на причале в Барселоне, Саша чувствовал себя так, будто кто-то тихо подкрутил настройки реальности: воздух был чуть гуще, звуки — чуть глуше, а город будто смотрел на него, выжидая.

Он купил этот круиз как лекарство от пустоты. После смерти деда, единственного человека, который говорил с ним о старых легендах так, будто они были правдой, в доме стало слишком тихо. Дед часто повторял: «Море помнит имена. И иногда зовёт». Саша тогда только усмехался. А теперь эти слова крутились в голове, как застрявшая строчка из песни.

Билет был на лайнер «Аврора Век» — судно, которое рекламировали как «идеальный отдых для тех, кто хочет забыть обо всём». Ирония не ускользнула от Саши: он как раз хотел забыть. Но стоило ему подняться по трапу, как ощущение, что кто-то или что-то не хочет, чтобы он забывал, стало почти осязаемым.

Каюта номер 13. Это была первая странность. Он точно помнил, что бронировал каюту 27. Менеджер на стойке улыбался безупречно и вежливо, но в его взгляде мелькало что-то похожее на предупреждение: «Так вышло. Система сама назначила». Саша хотел возразить, но слова застряли в горле — ему вдруг показалось, что если он начнёт спорить, то подтвердит, что здесь вообще есть правила, которым стоит следовать.

В тот же вечер, пока лайнер выходил из порта, Саша достал из сумки старую открытку, которую дед когда-то вложил ему в дневник: на ней был изображён маяк, давно ушедший под воду. Он не брал её с собой специально — она просто оказалась в вещах, будто сама захотела поехать. На обороте не было ни адреса, ни подписи, только выцветшие чернила. Или ему так казалось до этого момента.

Потому что теперь там были слова.

Их не было, когда он укладывал вещи дома. Их не было, когда он доставал открытку в аэропорту. Но сейчас они были: аккуратные, свежие, будто написанные минуту назад.

«Не ищи ответов на палубе. Они ждут внизу».

Саша замер, вглядываясь в буквы, которые выглядели так, словно их вывели той же рукой, что когда-то писала ему короткие записки на полях старых книг. Рукой деда.

И в ту секунду он понял: этот круиз не станет побегом. Он станет дорогой туда, куда он не хотел идти. И море действительно зовёт. По имени

Глава 1. Каюта номер 13

Солнце садилось над Барселоной, окрашивая воду в густой золотой цвет, и казалось, что город прощается с уходящим днём особенно торжественно — будто знал, что этой ночью море заберёт с собой не просто пассажиров, а чьи то судьбы.Александр стоял на верхней палубе «Авроры Век» и пытался убедить себя, что всё в порядке. Он приехал сюда, чтобы на две недели перестать думать. Чтобы не слышать тишину в квартире, которая теперь звучала громче любого шума. Чтобы не видеть на столе фотографию деда, где тот улыбается, будто знает какую то хорошую тайну и не собирается её выдавать.Дед часто говорил: «Море помнит имена. И иногда зовёт». Саша тогда только усмехался. А сейчас эти слова не выходили из головы, как застрявшая фраза из песни, которую ты не любишь, но не можешь выкинуть.Он глубоко вдохнул солёный воздух, пытаясь поймать то самое чувство свободы, ради которого и купил билет. Но вместо этого почувствовал лёгкое, почти незаметное напряжение в воздухе

— будто кто-то тихо повернул ручку громкости у мира, и теперь все звуки стали чуть резче, а тени — чуть глубже.Саша спустился к своей каюте. В голове всё ещё крутилась нелепая сцена у стойки регистрации: он точно помнил, что бронировал каюту 27, светлую, с видом на корму. Но менеджер с безупречной улыбкой и холодными, внимательными глазами спокойно сказал:— Система назначила вам каюту 13. Это одна из лучших на палубе.— Но я бронировал другую, — попытался возразить Саша.— Да, я вижу. Но система перераспределила. Бывает.И в этом «бывает» было что то такое, от чего по спине пробежал короткий, неприятный холодок. Менеджер смотрел на него так, будто заранее знал, что спорить бесполезно.Каюта 13 оказалась просторной и роскошной: светлый текстиль, дерево тёплого оттенка, большая кровать, панорамное окно. Всё выглядело так, как и должно выглядеть на лайнере класса люкс. Но цифра 13, выложенная латунью на двери, казалась здесь лишней, будто кто то нарочно поставил её, чтобы проверить, как Саша на это отреагирует.Он вошёл, бросил сумку на кресло, достал из неё старую открытку, которую нашёл в дневнике деда. На ней был изображён маяк — тот самый, о котором дед рассказывал в детстве: будто он стоял на крошечном острове и светил только тем, кто действительно нуждался в пути. Маяк давно ушёл под воду, и никто не знал точного места.Саша положил открытку на столик и на секунду прикрыл глаза, вспоминая голос деда. Когда он снова посмотрел на неё, сердце на мгно-

вение замерло, а потом забилось быстрее.На обороте, там, где раньше не было ничего, кроме выцветших чернил, теперь чётко виднелись слова:«Не ищи ответов на палубе. Они ждут внизу».Буквы были свежими, будто их вывели минуту назад. Аккуратными, знакомыми — теми же, что дед писал на полях книг, когда делал короткие пометки для Саши.Саша провёл пальцем по бумаге, ожидая, что чернила размажутся. Но они не размазались. Они были настоящими.В этот момент в коридоре раздались тихие шаги. Не тяжёлые, не торопливые — скорее осторожные, будто кто то не хотел, чтобы его услышали. Саша замер, прислушиваясь. Шаги остановились прямо у двери. На секунду стало тихо. А потом послышался едва уловимый шёпот — слов было не разобрать, но интонация была такой, будто кто то позвал его по имени.Саша резко распахнул дверь.Коридор был пуст. Только мягкий свет ламп скользил по стенам, а вдалеке слышался приглушённый смех и звон бокалов — пассажиры начинали вечер.Но чувство, что он здесь не один, не исчезло. Оно стало даже сильнее.Саша вернулся в каюту и снова посмотрел на открытку. Теперь слова казались не просто предупреждением. Они были приглашением. Или вызовом.Он сел на край кровати и попытался рассуждать здраво: это какой то розыгрыш, оптическая иллюзия, игра света. Но в глубине души он знал: дело не в свете. Дело в том, что море действительно зовёт. И, кажется, оно зовёт именно его.За окном медленно растворялся в сумерках берег Барселоны. Лайнер плав-

но тронулся, и город стал отдаляться, будто стирался с карты, чтобы освободить место для чего то нового. Саша подошёл к окну и посмотрел вниз, на тёмную воду. Она казалась живой — тяжёлой, древней, полной своих собственных секретов.Телефон тихо пискнул — пришло сообщение от сестры: «Ну как там? Уже танцуешь на палубе?»Саша улыбнулся, стараясь, чтобы улыбка получилась настоящей, и напечатал: «Пока только смотрю на море. Тут красиво».Он не стал писать про каюту 13. Не стал писать про открытку. Потому что, если произнести это вслух — даже в сообщении, — оно станет слишком настоящим.А он пока не был готов к тому, насколько настоящим это может оказаться.

Глава 2. Рынок в Марселе и живая открытка

Утро встретило Сашу не солнцем, а плотной морской дымкой, которая облепила лайнер, будто хотела удержать его в порту. Из окна каюты виднелись лишь смутные очертания Марселя — город казался нарисованным акварелью, где все линии расплылись.Саша не любил туман. Он делал мир неопределённым, размывал границы, и в такой неясности любая тень могла оказаться чем то большим, чем просто тенью. После вчерашней ночи, когда он то и дело вглядывался в открытку, будто она могла заговорить, ему хотелось чего то твёрдого, понятного: горячего кофе, чёткой линии горизонта, обычного человеческого разговора без загадок.На лайнере объявили, что из за погоды высадка задерживается,

но к полудню туман начал рассеиваться, и пассажирам разрешили сходить на берег небольшими группами. Саша не раздумывал: ему нужно было выйти, вдохнуть другой воздух, стряхнуть с себя ощущение, что за ним наблюдают даже стены каюты.Марсель встретил его шумом, запахами жареных орехов и рыбы, криками чаек и бесконечным спором уличных музыкантов. Саша шёл по узким улочкам, стараясь не думать ни о надписи на открытке, ни о каюте 13, ни о словах деда. Но чем дальше он уходил от порта, тем сильнее чувствовал, что город будто подталкивает его в определённом направлении — не силой, а намёками: то прохожие расступались перед ним, то случайный взгляд продавца вдруг казался слишком пристальным, будто тот знал, кого ждёт.Так он оказался на маленьком рынке в старом квартале, где торговали всем подряд: от антикварных часов до связок сушёных трав, от потрёпанных книг до странных безделушек, смысл которых угадывался лишь по намёкам. Саша бродил между лотками, трогал пальцами старые вещи, словно надеялся почувствовать через них хоть каплю нормальной, будничной жизни.И тут он её увидел.На прилавке среди открыток с видами Марселя лежала одна, которая сразу выделялась. На ней был изображён тот же маяк, что и на открытке деда, — тот самый, давно ушедший под воду. Рисунок был чуть другим, более тёмным, будто художник рисовал его при свете одной свечи.— Нравится? — спросил продавец, невысокий мужчина с внимательными глазами и седой бородой. В его

голосе не было привычной для торговцев навязчивости, скорее любопытство, как будто он и сам ждал, кто именно возьмёт эту открытку.— Откуда она у вас? — спросил Саша, сам не понимая, зачем задаёт этот вопрос.Продавец пожал плечами:— Принесли. Иногда люди приносят вещи, которые им больше не нужны, но выбросить жалко. А я держу их, пока не найдётся тот, кому они действительно нужны.Саша хотел сказать, что ему не нужна ещё одна открытка, что у него уже есть одна, от которой мурашки бегут по коже. Но рука сама потянулась и взяла её.Он заплатил, сунул открытку в карман и пошёл дальше, уговаривая себя, что это просто совпадение. Просто похожий маяк. Просто старый рисунок.Но когда он остановился у лотка с кофе, чтобы перевести дух, рука сама полезла в карман. Он достал обе открытки и положил их рядом на край столика. И в тот момент, когда на них упал луч солнца, Саша понял: это не просто похожие рисунки. Это части одного целого.Линии на двух открытках совпадали. Если их сложить вместе, они образовывали карту — не обычную, с улицами и домами, а странную, будто нарисованную по памяти моря: завитки течений, тёмные пятна, похожие на подводные впадины, и тонкая линия, ведущая от маяка к точке, которую Саша не мог опознать.А потом случилось то, от чего у него перехватило дыхание.Чернила на новой открытке начали двигаться. Не расплываться от влаги, не стекать каплями — а именно двигаться, как живые: тонкие линии перестраивались, меняли направление, будто карта искала пра-

вильный путь. И в центре, там, где сходились все линии, появилась короткая надпись:«Он уже здесь».Саша резко оглянулся, ожидая увидеть кого то за спиной — того, кто подстроил эту шутку, кто следил за ним с самого начала круиза. Но вокруг были только туристы, продавцы, дети, бегущие между лотками. Никто не смотрел на него с особым интересом. Никто не улыбался, зная что то, чего не знал он.Только старик продавец стоял у своего лотка и смотрел прямо на Сашу. И в его взгляде было не удивление, а тихое признание: «Я знал, что ты придёшь».Саша сунул открытки обратно в карман, развернулся и быстро пошёл прочь, стараясь не бежать, чтобы не привлекать внимания. Но внутри всё кричало: это не совпадение. Это не случайность. Кто то — или что то — ведёт его по этому маршруту, шаг за шагом, открытка за открыткой.Когда он вернулся на лайнер, туман почти рассеялся, и «Аврора Век» снова выглядела как обычное роскошное судно, а не как корабль из старой легенды. Пассажиры смеялись, фотографировались на фоне города, делились впечатлениями. В салоне играла лёгкая музыка, и казалось, что весь мир вернулся на свои места.Но Саша знал: ничего не вернулось.В каюте он достал открытки, разложил их на столе и долго смотрел на карту, которая теперь казалась ему не рисунком, а приглашением в место, куда он не хотел идти. Он пытался рассуждать здраво: это какой то фокус, чернила с термоэффектом, оптическая иллюзия. Но разум споткнулся о одну простую вещь: никто не знал, что он пойдёт на

этот рынок. Никто не знал, что он купит именно эту открытку. Никто не мог подстроить всё это так точно.Телефон снова пискнул — ещё одно сообщение от сестры: «Ну что, уже нашёл себе приключения?»Саша улыбнулся, но на этот раз улыбка получилась натянутой. Он напечатал: «Пока только гуляю. Тут красиво».И не стал добавлять, что красота эта — острая, как лезвие, и что под ней прячется что то древнее и холодное, что ждёт, когда он сделает следующий шаг.

Глава 3. Тень на портрете

После возвращения с рынка Саша долго не мог избавиться от ощущения, будто за ним следят не чьи то глаза, а сама память о маяке — она тянула его вперёд, не давая остановиться. Он бродил по палубам, стараясь выглядеть как обычный пассажир: улыбался в ответ на приветствия, останавливался у перил, будто зачарованный видом воды, но мысли снова и снова возвращались к двум открыткам и надписи «Он уже здесь».В какойто момент он свернул в менее людную часть лайнера — туда, где коридоры становились уже, а вместо хрустальных люстр горели аккуратные бра с тёплым светом. Там, в небольшом салоне с большими окнами на море, он и увидел её.Она сидела у мольберта, склонившись над холстом так низко, что светлые волосы падали вперёд и почти закрывали лицо. В одной руке она держала тонкую кисть, в другой — палитру, и двигалась так, будто не рисовала, а выслушивала картину: делала короткий, точный мазок, засты-

вала на секунду, прислушиваясь, и снова касалась холста.Саша остановился в дверях, сам не зная, уйти ему или остаться. Он не хотел мешать, но и оторвать взгляд не мог. В её движениях было чтото завораживающее — не показная артистичность, а настоящая сосредоточенность, как у человека, который знает: если сейчас дрогнет рука, исчезнет целая вселенная.— Вы смотрите так, будто пытаетесь угадать, что там нарисовано, — не поднимая головы, сказала она, и голос у неё был спокойный, чуть насмешливый, но без резкости.Саша смутился, будто его поймали за чем то личным.— Прости… я не хотел подглядывать. Просто… ты так рисуешь, будто слышишь эту картину.Она наконец подняла взгляд, и Саша на мгновение забыл, что хотел сказать. У неё были тёмно-серые глаза, почти стальные, но в них не было холода — скорее любопытство, как у ребёнка, который нашёл на пляже странный камень и не знает, бросить его или оставить себе.— Я слышу её, — просто сказала она, будто это было самой обычной вещью на свете. — Иногда цвета звенят. А иногда молчат, и тогда я пытаюсь заставить их заговорить.Саша улыбнулся, сам не понимая, почему ему вдруг стало легче.— Меня зовут Саша, — сказал он.— А я Лея, — она кивнула на пустой стул рядом с собой. — Садись, если хочешь. Только имей в виду: я могу снова замолчать. Иногда слова мешают краскам.Он сел. И действительно, какое то время они молчали: Лея снова склонилась к холсту, Саша смотрел то на море за окном, то на её быстрые, уверенные движения. На картине

проступал силуэт — не чёткий, будто сотканный из тумана и света.— Это кто то конкретный? — тихо спросил он, когда пауза перестала казаться неловкой.Лея чуть наклонила голову, словно прислушиваясь не к нему, а к собственному рисунку.— Не знаю. Сначала это был просто контур. А потом он начал меняться. Вчера он был похож на старика в плаще. Сегодня — на когото молодого. А сейчас… сейчас мне кажется, что он смотрит на меня.Саша невольно сжал пальцы на коленях.— Ты видишь одно и то же лицо, но оно меняется?Лея посмотрела на него внимательнее.— Да. И знаешь, что самое странное? Иногда я просыпаюсь ночью и чувствую, что этот человек был в моей каюте. Не физически, конечно. Но как будто его тень осталась на полу, и я боюсь на неё наступить.Саша хотел сказать, что это просто сны, что на лайнере слишком много общего напряжения, и всем мерещатся тени. Но слова застряли у него в горле, потому что он вспомнил свои собственные сны — о тёмной лестнице и голосе, зовущем по имени.— У тебя тоже что то происходит, — неожиданно тихо сказала Лея, откладывая кисть. — Я вижу это по твоим глазам. Ты смотришь на мир так, будто ждёшь, что он вот вот сдвинется.Саша не сразу решился ответить. Но что то в её спокойствии, в этом отсутствии желания судить или пугаться, заставило его вытащить из кармана обе открытки и положить их на столик между ними.— Смотри. Я купил эту в Марселе, а эта была у меня с собой. Если их сложить, получается карта. А чернила… они двига-

ются.Лея не отшатнулась. Не рассмеялась. Она осторожно, двумя пальцами, взяла открытки, разложила их рядом, потом медленно повернула одну, чтобы линии совпали. Её брови чуть нахмурились, а взгляд стал острым, как в тот момент, когда она слушала краски.— Это не обычная карта, — прошептала она. — Это… как схема течений. Или как запись чьего то сна. Видишь эти завитки? Они похожи на то, как я рисую тени. Как будто кто то хотел передать движение, а не место.Она подняла глаза на Сашу.— И что написано?— «Он уже здесь», — тихо сказал Саша.Лея замерла. Потом медленно покачала головой.— Вчера я нарисовала эту фразу. Не словами, а тенью. На другом портрете. Просто легла на холст тёмной полосой, и я не знала, что она значит. А теперь ты говоришь, что видишь её на открытке.У Саши по спине пробежал холодок, но не от страха, а от того, как идеально всё это совпадало — будто ктото собирал кусочки мозаики и специально подталкивал их друг к другу.— Ты думаешь, это совпадение? — спросил он.— Думаю, совпадения на этом лайнере работают как крючки, — ответила Лея, снова беря кисть, но теперь уже не для картины, а просто вертя её в пальцах. — Они цепляют тебя и тянут туда, куда ты не собирался идти.Саша посмотрел на её холст. Силуэт теперь казался ему знакомым. В нём угадывались линии, похожие на профиль деда — не точный, но такой, каким он оставался в памяти: не фотография, а ощущение присутствия.— Знаешь, мой дед говорил, что море помнит имена, — тихо ска-

зал Саша. — Я думал, это просто красивая фраза. А теперь мне кажется, что оно не просто помнит. Оно выбирает, кому напомнить.Лея кивнула, будто это не было для неё новостью.— На этом лайнере многие слышат то, что давно хотели забыть. Или то, что боялись услышать. Может, поэтому я здесь рисую: чтобы поймать эти голоса и удержать их на холсте, пока они не утащили кого нибудь за собой.Саша вдруг понял, что впервые с момента посадки на «Аврору Век» он не чувствует себя одиноким в этой тайне. Рядом был человек, который не требовал объяснений, не смотрел на него как на сумасшедшего, а просто брал и складывал кусочки вместе — так же, как он сам.— Помоги мне понять, что это за карта, — попросил он. — Если ты видишь линии как движение… может, ты сможешь увидеть, куда они ведут?Лея снова посмотрела на открытки, потом на свой холст, потом снова на Сашу — и на этот раз в её серых глазах мелькнуло что то похожее на решимость.— Хорошо. Но не здесь. В салоне слишком много чужих взглядов. Пойдём в мастерскую. Там тише, и тени ведут себя честнее.Они встали, Лея накинула на плечи лёгкий шарф, взяла папку с набросками, и они вышли из салона. Коридор встретил их приглушённым светом и тихим гулом лайнера — не тем, который слышишь, когда всё нормально, а тем, который звучит, когда мир чуть чуть сдвигается с места.По дороге Лея вдруг остановилась и тихо сказала:— Саша, если эта карта приведёт тебя туда, где будет страшно… обещай, что не пойдёшь один.Саша кивнул, чув-

ствуя, как внутри чтото тихо щёлкает на место.— Обещаю. И ты тоже.

Глава 4. Мастерская Леи и тень у двери

Мастерская Леи оказалась не парадным салоном лайнера, а укромным уголком в тихой части палубы — маленьким помещением с высоким окном, через которое лился рассеянный свет, будто специально созданный для того, чтобы краски не лгали. Здесь пахло льняным маслом, свежей бумагой и чуть чуть — морской солью, будто само море заглядывало внутрь, проверяя, правильно ли тут видят мир.По стенам висели наброски: лица пассажиров, быстрые и лёгкие, как дыхание; городские силуэты; и среди них — несколько листов, где тени жили своей жизнью: они не просто падали от предметов, а будто собирались в фигуры, в позы, в намёки на слова.— Здесь тени ведут себя честнее, — тихо сказала Лея, зажигая настольную лампу с тёплым, неярким светом. — В больших залах всё слишком ярко, и тени прячутся. А тут они остаются.Саша положил открытки на стол, аккуратно, словно они могли рассыпаться от неловкого прикосновения. Лея присела напротив, подобрала прядь волос за ухо и склонилась над ними, не спеша, будто читала не буквы, а настроение бумаги.— Ты видишь линии как движение, — напомнил Саша. — Может, ты поймёшь, куда они ведут?Лея провела пальцем по завиткам, не касаясь чернил, будто боялась спугнуть рисунок.— Это не про расстояния, — проговорила она

наконец. — Это про… течение. Как будто кто то хотел передать не «где», а «как». Не координаты, а ритм. Смотри: эти петли похожи на водовороты. А эта линия — на волну, которая возвращается.Она взяла карандаш и быстро набросала поверх стола несколько линий, соединяя фрагменты карты с тем, что видела в своём воображении.— Если смотреть не как на карту, а как на музыку… то вот здесь — пауза. А здесь — удар. И эта точка… она звучит как конец фразы. Или как начало.Саша всмотрелся в её набросок. И вдруг заметил то, от чего у него похолодели кончики пальцев: среди линий, среди завитков течений, проступал знакомый силуэт — профиль деда. Не отчётливый, но безошибочный: линия лба, изгиб носа, упрямый подбородок. Тот самый профиль, который он столько раз видел на старых фотографиях.— Лея… — прошептал он. — Посмотри.Она проследила за его взглядом, и её рука замерла над бумагой.— Я не рисовала его, — сказала она тихо, почти шёпотом. — Я вообще не думала о нём. Но… да. Он здесь.Они оба молчали, глядя на этот случайный, невозможный портрет, будто ждали, что он моргнёт или вздохнёт.Лея медленно потянулась к папке с набросками, достала один лист и положила рядом. На нём была изображена дверь каюты — обычная дверь, латунная цифра 13, аккуратные стыки панелей. Но у порога, на полу, лежала тень. И тень эта была не просто тёмным пятном: в ней угадывалась фигура человека в длинном пальто, с поднятым воротником. Фигура, которая стояла так, будто при-

слушивалась к тому, что происходит внутри.— Я нарисовала это вчера вечером, — сказала Лея, не глядя на Сашу, будто боялась увидеть в его глазах осуждение или страх. — Просто сидела, водила карандашом, не думая. А потом подняла глаза и поняла: это не абстракция. Это кто то. И он стоит у твоей двери.Саша почувствовал, как внутри всё сжимается, но не от ужаса, а от странного, горького узнавания.— Это он, — сказал Саша, и голос прозвучал твёрже, чем он ожидал. — Мой дед.Лея подняла на него глаза, в них не было недоверия — только напряжённое внимание, как у человека, который знает: сейчас прозвучит чтото важное.— Он умер полгода назад, — продолжил Саша, сам удивляясь тому, как легко эти слова выходят наружу, будто мастерская была местом, где можно не прятать правду. — И я до сих пор не могу привыкнуть к этой тишине. А теперь он появляется вот так… в линиях, в тенях, в чернильных завихрениях. И я не знаю, хочет ли он меня предупредить… или просто не может уйти.Лея не стала говорить «это просто совпадение» или «тебе кажется». Вместо этого она подвинула к нему лист с наброском тени.— Тогда давай считать, что он здесь не случайно. Что он показывает нам то, что мы сами не видим. Смотри: тень стоит у двери, но она не входит. Она ждёт. Как будто говорит: «Не заходи один».Саша кивнул. В этом было чтото правильное — не пугающее, а оберегающее.В этот момент в мастерской что то тихо щёлкнуло. Не громко, но отчётливо — будто кто то повернул ручку двери снаружи и тут же отпу-

стил. Саша и Лея одновременно повернули головы к выходу. Дверь оставалась закрытой. Но на пороге, там, где только что не было ничего, кроме пола и света, теперь лежала тень. Та самая тень с рисунка. Короткая, чёткая, будто от человека, который на секунду остановился и пошёл дальше.Саша поднялся, медленно, стараясь не делать резких движений, подошёл к двери и осторожно приоткрыл её.Коридор был пуст. По нему тихо тянулся гул лайнера — не угрожающий, а привычный, как дыхание большого существа. Гдето вдалеке смеялись пассажиры, звенели бокалы, играла музыка. Всё было как обычно.Но на полу у порога, прямо на стыке света и тени, лежал маленький предмет. Саша наклонился и поднял его: это был старинный компас, тонкий, с потемневшей латунью и стеклянной крышкой. Стрелка не дрожала, не металась — она указывала не на север, а кудато вниз, будто хотела показать не сторону света, а глубину.Когда он вернулся в мастерскую, Лея уже стояла у стола, держа в руках обе открытки. Линии на них снова сдвинулись, будто карта прислушивалась к тому, что только что произошло. И в центре, на пересечении завитков, появилась новая надпись:«Он не ушёл. Он ждёт».— Саша, — тихо сказала Лея, и в её голосе впервые прозвучало что то похожее на тревогу, — я думаю, нам нужно поговорить со старшим стюардом. Он знает про этот лайнер больше, чем кто либо. И если есть легенда, связанная с «Авророй Век», он её расскажет.Саша посмотрел на компас в своей руке, на тень, которая всё ещё лежала на полу,

на профиль деда, проступивший в линиях карты. И понял, что больше не может делать вид, будто это просто странные совпадения.— Хорошо, — сказал он. — Пойдём к нему. Но сначала… давай соберём всё вместе. Открытки, твой набросок, компас. Пусть он увидит, что это не одна история. Это несколько историй, которые сходятся в одной точке.Лея кивнула, быстро собрала листы, уложила их в папку, накинула шарф.— И ещё, — добавила она уже у двери, обернувшись, — если мы идём к стюарду, значит, мы официально признаём, что здесь происходит что то странное. И после этого пути назад не будет.Саша улыбнулся, но улыбка получилась не весёлой, а собранной, как перед прыжком.— А я и не хочу назад, — сказал он. — Я хочу понять, что дед пытался мне сказать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.